

лей. Например, в повести **«Расколдованный круг»** (1924) А. острейшим образом ставит вопрос о путях, ведущих революционера к общей «мировой» правде. Подчиняющая себе частную жизнь, надличностная идея этого произведения состоит в том, что даже лучшие чувства в человеке могут быть попораны — и не тяжелым чувством ненависти к «страшному миру», но «чистым» стремлением все к той же грядущей гармонии. В дни «русской смуты» герой повести приговаривает к смерти брата любимой девушки. Та, возненавидев все на свете, проклинает саму любовь и кончает с собой. Тогда герой, хотя в этом никакой практической надобности нет, сам вызывается осуществить приговор. За все случившееся в мире он готов брать ответственность на себя. Горячая устремленность в будущее, в неизвестное приводит его к иллюзорному ощущению «знания о неизвестном», к своего рода религиозности. «Святость» подобных героев прямо переходит поэтому в жестокость. Так развивается революционная тема у А.

Герои А., каждый на свой лад, хотят разомкнуть кольцо частного существования, но вопрос о путях, ведущих к «правде святой», оборачивается у прозаика трезвым вопросом о навязанных ею «снах», вопросом о том, что насильственное водительство к «благу» приводит на деле лишь к поиску житейских «благ». А. заостряет эту ситуацию до парадокса, когда в пьесе **«Фокстрот»** (1926) заставляет старого рецидивиста-домушника Гусарова читать «новым людям» почти толстовскую проповедь: «Нельзя резать людей ни за какие червонцы. Нельзя давить веревками, рубить младенцев, как телят». И читает персонаж эту мораль не из ханжества и лицемерия, а «по совести». Революционный идеализм и максимализм оборачиваются обесцениванием обычной человеческой морали и даже потребностью в самоистреблении, как в наиболее известной вещи А. **«Преступления Аквилонова»** (отд. книгой издана первоначально в Берлине, 1927). Характерно, что при всей революционно-максималистской установке «комиссарских» сюжетов **«Расколдованного круга»** или последней напечатанной повести **«Компроты шестнадцать»** (1937) А. дальше других идет и в снисхождении к людям из стана противников, в полном смысле слова отщепенцам, уголовникам, проституткам. В 1935 в повести «Глушь» он даже решает на вполне человеческое изображение краевого пристава Адриана Антоновича, не могущего не быть противником ссыльных революционеров.

В Ленинграде в 1920-е А. общался со многими литераторами, в частности на «субботах» у писателя В. Я. Ленского встречался с Александром Грином, Константином Олиповым, Алексеем Чапыгиным. В 1930-е в квартире А. на Надеждинской (Маяковского, 7) бывали Ольга Берггольц, Михаил Зощенко, Вениамин Каверин, Борис Корнилов, Елизавета Полонская, Александр Прокофьев, Ольга Форш, Михаил Чумандрин... Особенно дружил А. с Корниловым. В 1937 за буйный нрав и идеологическую невосдержанность А. исключен из СП (но оставлен в писательском Группоме).

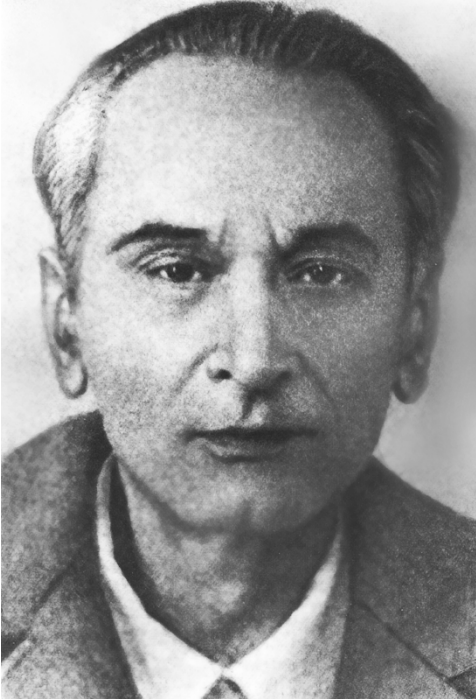
В 1940 А. работает над повестью **«О пребывании в Туруханском крае И. В. Сталина и событиях, связанных с организацией его побега из ссылки в 1911 г.»**. Написанный от руки текст А. послал в Кремль. Ответ через 3 недели пришел телеграфом: «Уважаемый Василий Михайлович! Этим хвастаться не надо. Рукопись оставляю. Сталин». Участь писателя была решена, но не одним этим. О его резких отзывах по поводу существующих в стране порядков в НКВД были осведомлены давно. 27 авг. 1941 А. арестовали (статья 58–10, часть 1) за «антисоветскую деятельность» в период с 1930 по 1941. А. был этапирован из Ленинграда в Мариинск Новосибирской обл., где умер от «остановки сердечной деятельности на почве авитаминоза». 19 нояб. 1942 дело было прекращено за смертью обвиняемого. Реабилитирован А. только 23 янв. 2001.

Соч.: Канун. Л., 1924; Расколдованный круг. Л., 1926; Рассказы. Л., 1926; Славнов двор. Л., 1927; Волки. Л., 1927; Гармонист Суворов. Л., 1928; Преступления Аквилонова. Л., 1929; Серый костюм. Л., 1930; Повести. Л., 1936; Компроты шестнадцать. Л., 1937; Канун. Л., 1989; Расколдованный круг: Василий Андреев. Николай Баршев. Леонид Добычин. Л., 1990.

Лит.: Голубь Л. Канун: [рец.] // Русский современник. 1924. № 4; Полетика Ю. О Василии Андрееве и его ворах // Жизнь искусства. 1926. № 13; Соловьев Б. Василий Андреев: Расколдованный круг // Звезда. 1926. № 3; Штейнман З. О Василии Андрееве // Звезда. 1932. № 12; Тимина С. К творческой биографии Василия Андреева // Андреев В. Канун. Л., 1989; Арьев А. Возвращение к людям // Расколдованный круг. Л., 1990; Черняк М. «Провинциальный» Петроград Василия Андреева // Вторая проза: сб. Таллин, 2004.

А. Ю. Арьев

АНДРЕ́ЕВ Даниил Леонидович [20.10(2.11). 1906, Берлин — 30.3.1959, Москва] — поэт, прозаик.

Д. Л. Андреев

Сын писателя Леонида Андреева. Мать, Александра Михайловна Велигорская, по отцовской линии принадлежала к одной из ветвей польских графов Виельгорских, лишенных титула и состояния за участие в восстании 1863. Разрешившись Даниилом, вторым сыном, Александра Михайловна скончалась от послеродовой горячки. Отец не мог видеть сына — причину смерти любимой жены. А. жил в семье своей тети Е. М. Добровой. До 6 лет мальчика воспитывала бабушка Е. В. Шевченко (по отцу — дальняя родственница великого украинского поэта). Крестным отцом А. был Максим Горький. Приемная семья сполна заменила А. родной дом. Частыми гостями здесь бывали Горький, Скрябин, Шалапин, Бунин, актеры Худож. театра. Благородные традиции православия, чуждые догматизма и нетерпимости, хранимые в добровском доме, с детских лет оказали влияние на А. В его детских рисунках и в первых лит. опытах заметен интерес к отечественной истории (портреты русских правителей «выдуманной династии»), а также склонность к мифологическим и космологическим фантазиям.

А. учился в частной гимназии, но окончил ее уже после 1917, когда ее переделали в советскую школу; затем окончил лит. курсы. Юношеские духовные искания и блуждания А.

были сложными (по словам А. А. Андреевой, жены поэта, «темные» и «страшные» дороги, пройденные им в юности, лежали «в плоскости иррационального»). Чувствуя глубокий разрыв с эпохой революции, А. отказывается от публикации своих произведений, работает оформителем-шрифтовиком, но пишет непрерывно (циклы стихов «**Лунные камни**», «**Древняя память**», «**Голоса веков**», «**Предгория**», «**Зеленую поймой**», «**Лесная кровь**», «**Восход души**», поэмы «**Немереча**», «**Песнь о Монсальвате**», материалы к поэме «**Дуггур**» и др.). Сохранились отрывки романа «**Странники ночи**» (рукопись романа, которую во время Великой Отечественной войны автор закопал в землю, испортилась; А. начал роман заново). В 1942 до мобилизации в армию писал поэму «**Германцы**» (не закончена); быть может, к этому же времени относятся наброски поэмы «**Королева Кримгильда**» по мотивам «Песни о Нибелунгах» и ее киноинтерпретации в известном немом фильме Ф. Ланга.

А. — участник Великой Отечественной войны. Как нестроевой, сначала служил при штабе под Москвой, затем — в составе 196-й стрелковой дивизии (переход по Ладоге в Ленинград, бои в Шлиссельбурге и Синявине, состоял в похоронной команде, подтаскивал снаряды, был санитаром в медсанбате). Перед окончанием войны отозван в тыл для работы художником-оформителем, шрифтовиком. После войны бедствовал без работы. В 1946 в серии «Русские путешественники» удалось напечатать книгу «**Замечательные исследователи горной Средней Азии**» (совместно с географом С. Н. Матвеевым). Следующий заказ о русских исследователях Африки был выполнен, но издание не состоялось: набор рассыпали в связи с арестом автора в апр. 1947. Причина ареста — «антисоветский роман» «Странники ночи», «несоветские» стихи, к делу присовокупили типовое в то время обвинение в подготовке покушения на Сталина. Приговор определял 25 лет тюрьмы. Все найденные при обысках произведения были уничтожены. Во Владимирской тюрьме вместе со своими «однокамерниками» академиком В. В. Париным (биолог) и Л. Л. Раковым (историк и искусствовед) написал словарь вымышленных биографий «**Новейший Плутарх**» (изд. 1991). Здесь, в тюрьме, начаты 3 основные книги А.: «**Роза Мира**», «**Русские боги**» и «**Железная мистерия**». Завершены они были уже после выхода на свободу. Книга стих. и поэм «Русские боги» осталась не вполне дописанной.

В 1956 дело А. пересматривалось, но он продолжал утверждать, что в Советском Союзе отсутствует свобода совести, свобода слова и свобода печати. Вместо реабилитации А. был определен другой (по сравнению с определенным прежде) срок — 10 лет. В связи с безнадежно тяжелым состоянием его здоровья (инфаркт в 1954 и др.) А. был выпущен из тюрьмы и прожил после этого 2 года в предельно неустроенных материальных условиях. Страшную судьбу писателя разделила с ним вместе его жена А. А. Андреева (отбывшая срок не в тюрьме, а в лагере строгого режима). А. А. Андреевой принадлежит наиболее полная биография поэта («Жизнь Даниила Андреева, рассказанная его женой»). Науч. издания ПСС А. до сих пор нет. Правда, 3 главные книги — «Русские боги», «Роза Мира» и «Железная мистерия» — сейчас напечатаны в авторской редакции. А. является одним из наиболее сложных писателей XX в., А.— и мистик-визионер, и поэт-новатор, и ученый-мыслитель. В его творчестве на паритетных началах соотносятся религия, наука, искусство.

Мистицизм и визионерство А., их субъективную достоверность нельзя подвергать сомнению. Уже в 15 лет ему явилось видение «небесного Кремля». Столь же несомненный факт — видения, посещавшие его во Владимирской тюрьме. А. создает мистическую космологию, равно как и соответствующие названия и термины (энроф, шаданакар, уицраор, Жругр, Навна, Олирна и др.), он верил, что за этими образами стоит объективная реальность. Он как будто и не создавал их, а записывал по следам видений, воспринимал их как откровение. Подобно композитору А. Скрябину, верившему в то, что он создатель мира и в музыке ведет созданные им народы к счастью, А. отразил в своем субъективном мире не только мистические прозрения, но и объективный опыт духовных исканий, особенно напряженных на грани XIX и XX вв. Своеобразие мистико-поэтической отечественной метаистории (метафилософии истории), созданной А., в том, что окончательно созрели и оформились эти образы уже в послереволюционное время и были они откликом на опыт событий первой половины XX в. Многие из суждений, высказанных в произведениях А., оказываются пророческими, они сохраняют свою публицистическую и поэтическую силу.

В незаконченной поэме «Песнь о Монсальвате» уже были намечены основные темы религиозно-философской и поэтической концепции А. Истоками философских религиоз-

но-космических построений поэта-проповедника являются христианские средневековые легенды и предания, требующие новой, современной интерпретации, которая невозможна без фантазии, без проникновения за грань видимых миров. В драматической «симфонии» «**Утренняя оратория**» (1951) на подступах к Мировой Сальватэрре (высшее, по А., триединство миров — Планетарного Логоса, обители Богоматери и обители Эвенты-Свентаны) звучат голоса демиургов-народоводителей Древнего Двуречья, эллино-римского сверхнарода, земли Индийской, Дальнего Востока, стран Запада. Но уже в этой «формуле» всечеловеческого единства предпочтение отдано русской метакультуре и ее народоводителю Яросвету, вершащему переход от язычества к христианству («оратория» завершается тем, что Яросвет поручает князю Владимиру стать «первым родомыслом» России). В книге «Роза Мира» А. предпринял самостоятельную попытку соотнести разные национальные культуры, уловить их созвучие в религиозной области духовной культуры. При этом для автора наиболее близкий национальный вариант — русский, православный.

«Терминология» А. носит необычный характер, но без нее невозможно ориентироваться в открытой автором системе запредельных миров, влияющих на ход русской и всечеловеческой метаистории. Слова-обозначения подобны у А. «чертежу» дантовского космоса (брамфатура — система разноматериальных слоев, проникающих и окружающих каждое небесное тело; шаданакар — брамфатура нашей планеты; затомисы — высшие слои всех метакультур человечества, их небесные страны; шрастры — инопространственные подземные материальные слои, обиталища античеловечества; уицраоры — демоны великодержавной государственности; Жругр — российский уицраор; Навна — соборная душа российской метакультуры; Олирна — всечеловеческая страна усопших, различающаяся по характеру в разных национальных метакультурах; Эвента-Свентана — Вечная Женственность, Невеста Планетарного Логоса, которая, явившись в верхние слои шаданакара, осуществит в будущем явление Розы Мира — грядущей всехристианской церкви, и др.).

А. создал своеобразную разножанровую и «разнородовую» трилогию — «Русские боги», «Роза Мира», «Железная мистерия», в которой оповестил о судьбах русской метакультуры. Книга трактатов и проповедей «Роза Мира» уже самим названием своим ут-

верждает всемирный характер русской метакультуры. Книга стихотворных циклов и поэм «Русские боги» наиболее полно, как некое сложное лироэпическое целое, раскрывает метаисторию России, причем эпический лейтмотив явно подчинен лирическому, заставляя вспомнить интонации ветхозаветных пророческих и апокалипсических книг. «Железная мистерия» — драматическое действо, посвященное лишь одному, наиболее кризисному этапу русской метаистории — XX в. начиная с 1917. Попытка «вывести на сцену» борение сил из незримых миров, надземных и подземных, позволяющая не только объяснить чудовищные крайности и гротески русской истории недавних лет, но и предвидеть события, которые совершились уже после смерти автора, а также показать апокалипсический «исход» России, преодоление «железной мистерии» и возвращение к Богу, дающее России возможность стать «лепестком» в Розе Мира. Эпос, лирика, драма, исповедь, лит. критика, религиозный трактат, исторические портреты, историко-философские характеристики эпох и событий, сложнейшие дефиниции миров и сил, приложение этих дефиниций к сатирическим, пророческим и апокалипсическим картинам и даже конкретным и задушевым мгновениям лирического самовыражения — все это в трилогии А. составляет органичное единство.

В поэме «Изнанка мира» («Русские боги») автор признается: «В искусстве не все договаривается до конца, даже в том необычном стиле, к которому я прибегаю и который можно назвать метареализмом». Трактат, лирическое стихотворение, поэма, драма-мистерия — все это попытки передать видения образной или абстрактной мысли, несовершенства которой автор сам сознает. Вот почему лирическим стихам А. присущи видимый схематизм и кажущаяся рационалистическая иллюстративность, трактатам «Розы Мира» — образность и иррациональность, а драматургии «Железной мистерии» — симфоничность и символизм, почти оперность.

Объясняя события отечественной истории действием миров иных, А. невольно снимает с живых, реальных действующих сил истории груз ответственности и свободы выбора, что явно упрощает психологизм характеристик и отодвигает в сторону полноту и пластику эпического повествования. Некоторые «прогнозы» и утопические рецепты А. выглядят наивно, а порою даже совпадают с идеологическими схемами недавнего прошлого (концепция воспитания в эпоху «явления Розы Мира» и др.). С др. стороны, вмешательство миров

иных укрупняет масштаб исторических характеристик и оценок, придает им небывалую глубину, далекую от совр. нам публицистических штампов.

Сам А. признавал преемственную связь своих исканий с творчеством А. Блока (при всем сложном к нему отношении, см. соответствующие страницы «Розы Мира»). Но несомненна опора А. на В. Хлебникова, В. Маяковского (см. стих. «Хлебников» из цикла «Крест поэта»). Среди классиков зарубежной лит-ры в этой связи можно назвать Данте и Гете (2-я часть «Фауста»). В музыке А. наиболее близки Р. Вагнер и А. Скрябин, несмотря на религиозное отторжение последнего с позиций православия (ср. статью А. Ф. Лосева «Мировоззрение Скрябина», 1919–21).

Значительны заслуги А. в обновлении ритмики и рифмы. Стиху поэта присуща жесткая упорядоченность, при этом разнообразие ритмов и строфики заставляет вспомнить Г. Р. Державина, а из поэтов XX в. — М. Цветаеву: единица ритма — строчка — подсказана порою возможностями обычной прозаической речи, как стихотворная она воспринимается благодаря устойчивому повторению ее ритмического рисунка в рамках текста. Блоковский принцип «музыки» воспринят А. и применен необычайно многообразно. Здесь ритмика А. вообще соотносима с античной метрикой, особенно в драматургии. Свои искания в области ритмики А. обобщил в работе «Новые метро-строфы (из книг „Бродяга“ и „Русские боги“), впервые вводимые в русскую поэзию. Перечень, классификация, образцы» (не позднее 1955). Никогда еще искусство рифмы не являлось в русской поэзии столь обновленным — здесь А. явно учился у Маяковского, но пошел значительно дальше (составные точные рифмы, искусство диссонансов при совпадении количества слогов, форм и частей речи в рифмующихся словах). Все эксперименты А. «выверены на слух». Перенасыщена ими «Железная мистерия», вообще же наравне с поэмой «Немереча» являющаяся одним из наиболее гармоничных и доведенных до совершенства творений автора.

Соч.: СС: в 3 т. Т. 3 в 2 кн. М., 1993–97; Роза Мира / послесл. В. Грушецкого. М., 1991; Из неизданных произведений Даниила Андреева: Стихотворения // Даниил Андреев в культуре XX века: сб. М., 2000. С. 224–225, 231–233; Автобиография красноармейца Даниила Леонидовича Андреева, бойца команды погребения 196 краснознаменной стрелковой дивизии // Даниил Андреев в культуре XX века: сб. М., 2000. С. 16–21; Архив Д. Л. Андреева: Описи. М., 2001.

Лит.: Лидин В. О Данииле Андрееве // Андреев Д. Л. Ранью заревою: стихи. М., 1975; Грушецкий В. Поэт-вестник: О творчестве Даниила Андреева // Поэзия. М. 1989. № 53. С. 148–155; Грушецкий В. Мечты высокой вольный пленник... // Андреев Д. Железная мистерия: поэма. М., 1990; Новиков В. Мудрость веселой игры // Андреев Д., Парин В. В., Раков Л. Л. Новейший Плутарх. М., 1991. С. 3–11; Парина Н. [Вместо послесл.] // Там же. С. 293–303; Грушецкий В. Человек синей эпохи // Андреев Д. Роза Мира. М., 1991. С. 283–286; Андреева А. Жизнь Даниила Андреева, рассказанная его женой // Андреев Д. СС: в 3 т. М., 1993. Т. 1. С. 5–26; Романов Б. Н. «Русские боги» Даниила Андреева // Андреев Д. СС: в 3 т. М., 1993. Т. 1. С. 432–445; Андреева А. А. Роман «Странники ночи» // Андреев Д. СС: в 3 т. М., 1996. Т. 3. Кн. 2. С. 609–625; [Воспоминания об Андрееве Д. В. Л. Андреева, В. П. Митрофанова, И. В. Вогау, Т. И. Морозовой и др.] // Андреев Д. СС: в 3 т. М., 1996. Т. 3. Книга 2. С. 336–480; Парыгин В. Реабилитирован посмертно (1920–1930 гг.). Брянск, 1994. С. 256–304; Павлова Г. Н. Трубчевские страницы биографии Д. Л. Андреева // Эстетика диссонансов: сб. трудов. Орел, 1996. С. 128–129; Дунаев М. М. Православие и русская лит-ра. Ч. 6. М., 2000. С. 649–703; Даниил Андреев в культуре XX века: сб. М., 2000; Игнатъева А. С. Д. Андреев в процессе обновления русского реализма XX века: автореферат дис. канд. филол. наук. Вологда, 2001.

Г. Н. Ионин

АНДРЕ́ЕВ Леонид Николаевич [9(21).8.1871, Орел — 12.9.1919, Нейвала, Финляндия] — прозаик, драматург, публицист.

Родился в семье землемера. С детских лет отличался страстным, неуравновешенным ха-

Л. Н. Андреев

рактером, выразившимся в резкой перемене настроений, склонности к экстравагантным поступкам и максималистском стремлении к самоутверждению. Лит. наклонности А. проявились уже в гимназические годы, когда он жадно читал произведения русских и зарубежных писателей и охотно писал сочинения за своих товарищей-одноклассников. Знакомство с философскими трудами немецких мыслителей А. Шопенгауэра и Э. Гартмана стимулировало в сознании А. становление трагического мирозерцания, в котором преобладало представление о мировой дисгармонии и героическом долге личности выстоять перед лицом жестокости существования. Большое значение для всей судьбы А. имело сформировавшееся в его душе с юности стремление к всемирной славе, вплоть до желаний в поисках этой славы потрясти сами основы человеческого бытия. Эта сжигающая А. страсть в какой-то степени предопределила впоследствии характер его творчества, заключавшийся в стремлении стать властителем дум читателей путем обращения к самым острым вопросам эпохи.

В 1891 А. стал студентом юридического ф-та Петербургского ун-та. В 1892 состоялся его лит. дебют — рассказ «**В холоде и золоте**». Студенческие годы А. были отмечены мучительным поиском себя, депрессиями, пьянством, любовными неудачами и разочарованиями. А. неоднократно покушался на самоубийство. Постепенно страсть к творчеству позволила А. преодолеть жизненный кризис, однако тяжелые нервные срывы преследовали его на протяжении всей жизни. После окончания юридического ф-та Московского ун-та, куда он перевелся из Петербурга, А. стал помощником присяжного поверенного (1897). К этому времени относится начало постоянной лит. работы А. Он становится сотрудником газ. «Курьер» сначала в качестве судебного репортера и фельетониста, а потом и заведующего беллетристическим отделом. Опубликованный в «Курьере» «пасхальный» рассказ «**Баргамот и Гараська**» (1898) привлек внимание М. Горького. В многолетней обоюдной привязанности А. и Горького были неотрывны друг от друга и восторженная симпатия, и горячее участие, и соперничество, и философско-мировоззренческое противостояние, завершившееся разрывом. Горький сыграл важную роль в лит. судьбе А., оказав ему поддержку в творческом становлении.

В 1901 горьковское изд-во «Знание» выпустило первую книгу А. «**Рассказы**». Она имела большой читательский успех и разо-